

УДК 821.161.1.09-3

**В. С. ГРОССМАН О ПОДВИГЕ САМОПРЕОДОЛЕНИЯ
(на материале публицистики 1942 г.)**

Л. И. Щелокова

Московский городской педагогический университет
кафедра русской литературы

В статье рассмотрены очерки В. С. Гроссмана о Сталинградской битве, проанализировано изображение внутреннего подвига воина. Статья посвящена комплексному изучению очерков писателя с последовательным развитием понятия «подвиг самопреодоления».

ключевые слова: *В. С. Гроссман, русская литература XX века, публицистика о Великой Отечественной войне, сталинградские очерки.*

Творческое наследие В.С. Гроссмана продолжает привлекать внимание исследователей. В последние годы научные конференции, посвященные осмыслению поэтики его прозы, демонстрируют устойчивый интерес к его творчеству (проводятся Гроссмановские чтения в Польше, Исследовательский центр Василия Гроссмана в Турине (Италия) организовал очередную Международную конференцию в 2014 г.). В поле зрения ученых неизменно оказывается поздняя романистика писателя, в отличие от произведений военных лет. Публицистика В.С. Гроссмана военной поры почти не упоминается в научных обзорах. Подобное невнимание к статьям и очеркам военных лет вызвано расхожим мнением о заданной ангажированности и пропагандистской направленности всей публицистики той эпохи. Разумеется, военный корреспондент выполнял задание редакции, но в то же время, адресуя корреспонденции широкой аудитории, вступающей в бой с врагом, автор писал о национальном самосознании и проблеме сохранения страны, помогал выявить смысл человеческих действий в момент смертельной опасности. Круг данных вопросов обусловил аксиологическую основу всей публицистики. Человек нуждался в утверждении своего нравственного достоинства. Писатели обращаются к духовному опыту народа, напоминая об истоках героической традиции спасения отчизны, о культе воина-защитника. Оборонное сознание современника формируется через осмысление *родословной народа* и собственной причастности к ней, можно сказать, что все публицисты возрождали структуру Бытия, так как в момент грянувшей беды человек подвергся панике (хаосу), для противостояния необходимо восстановить истинную систему ценностей (вернуться к гармонии / космосу). В.С. Гроссман фокусирует взгляд на внутреннем мире воина, его духовном смятении, постижении своего долга начинающим воином, раскрывает физический и духовный потенциал солдата. Пробуждение *души красноармейца* в человеке, впервые оказавшемся на фронте, способствует персонификации войны. Переживания бойца из-за предстоящего убийства врага, преодоление тягот пути войны, вопросы совести и чести – весь спектр этих проблем приводит к пониманию войны как *личному*

событию, то есть каждый принимает *свое* решение о поступке. Деяние человека приводит к личностному росту и духовному подъему. Внутренний потенциал участника раскрывается в процессе освоения им новой военной реальности, адаптация к ней передана через личный опыт рядового бойца и увидена *глазами* снайпера Чехова (курсивом – название очерка).

Путь в Сталинград, куда В.С. Гроссман отправляется военным корреспондентом, открывает очерк «Волга – Сталинград» (5 сентября 1942). Семантика заглавия вмещает многие смыслы – это и приближение к фронту, это и впечатления от долгой дороги по родной земле, отвоеванной у врага, это и понимание своего дела и долга, поэтому *путешествие / путь* обретает статус *нравственного восхождения человека*. Начальная строка «Долог путь от Москвы до Сталинграда» [2, с. 170] не только географическая константа, но и емкая формула онтологического смысла *пути*, мысль о коллективном и личном боевом пути – основополагающая в очерках. В аксиологическом понимании – это путь формирования воина, его индивидуально-преодоления страха, сомнений и др. По выражению И.А. Ильина, это путь «самозаставления» [4, с. 61], думаем, его можно понимать и как *самопреодоление*.

География дороги от Москвы до Сталинграда – это путь *собираения родной земли* из-под вражеской оккупации, думаем, уместно использовать понятие *онтологической географии* (термин Д.Н. Замятина). Приметы войны контрастируют с красотой родной земли, путь лежит «мимо прелестных рек и зеленых городов» [2, с. 170]. Доставляет радость вид возрожденной Ясной Поляны: «Дом отстроен, снова цветут цветы, снова торжественна своей великой простотой могила; тела вражеских солдат отвезены от неё и похоронены в огромных воронках фугасок, упавших на яснополянскую землю. И места эти поросли сырой болотной травой» [2, с. 170]. Ясная Поляна – часть духовного пейзажа страны, ее семантика дополнена новым смыслом / заданием, она призвана после изгнания врага начать отсчет нового времени. Дорога войны продолжается: «А мы едем всё дальше по прекрасной земле, охваченной тревогой войны» [2, с. 170]. Стихия тревоги заполнила воздушную сферу Родины, символически воплотившись в Волге. Великая река – природный рубеж, граница *своего пространства*, духовная точка опоры. Страх ее утраты окрашивает пейзаж в трагические тона: «Степь коричневая, жаркая; она поросла пыльным бурьяном и полынью, тощим, жалким ковылём, льнущим к потрескавшейся земле. <...> Всё ближе Волга. Физически ощущается огромность захваченного врагом пространства, страшное чувство тревоги давит на сердце, мешает дышать <...> ощущение вражеского ножа, зашедшего глубоко в тело <...>. Отступать дальше нельзя. Каждый шаг назад – большая и, может быть, непоправимая беда» [2, с. 172]. Острое физическое страдание от захвата родной земли превращает Волгу в священную реку, земную границу между жизнью / смертью: «Река русской свободы глядела сурово и печально в этот холодный и ветренный час. <...> К полудню <...> засияла под высоко и круто поднявшимся солнцем, поголубела, воздух над ней подёрнулся лёгким синеватым туманом, мягко и спокойно лежал у воды песчаный луговой берег» [2, с. 172]. В двукратном повторе оттенков голубого и синего цветов ассоциативно усматривается богородичная символика с функцией высокого покровительства.

Участие в войне сопряжено с неустанной внутренней работой, подвижническим трудом, преодолением тягот испытаний. Наступление врага, массовое разрушение Сталинграда, его исторического центра вызвало активное противостояние жителей неприятелю, заставило рабочих завода стать воинами, среди них нашлись «прекрасные артиллеристы, танкисты, миномётчики. Прямо из заводских ворот вы-

езжали танки, выкатывались орудия, вывозились миномёты на поле боя» [2, с. 174]. Доблестная стойкость вчерашних рабочих проявлена уже в первых боях: «Сутки длился этот страшный бой. Лишь на следующий день вечером пришли с батареи уцелевшие четыре бойца и раненый командир. Они рассказали, что за время боя девушки ни разу не ушли в укрытия, а бывали минуты, когда нельзя было не уйти. И внезапный прорыв врага к городу был отбит. <...> Так открылась первая страница эпопеи обороны Сталинграда» [2, с. 174]. Данный эпизод, на наш взгляд, иллюстрирует мысль И.А. Ильина, когда личный выбор участника обнаруживает его внутреннюю силу. Философ писал: «Момент напряженной борьбы обостряет и проявляет духовный уклад народной жизни...» [4, с. 261]. Отвага нынешних защитников обусловлена героизмом предков, воспринятом ими на эмпирическом уровне. «Кровопролитные бои снова идут в тех же местах, где красные войска обороняли Царицын. Снова <...> войска идут мимо поросших травой старых окопов <...>» [2, с. 174]. Пространные исторические обзоры заменены *буквальным прохождением* современником ратной дороги своих предков. Совмещение временных планов в одних географических координатах формирует *сакральный хронотоп*, определяющий духовный рост современного воина, заданный высотой духа пращуров.

Героические эпохи перекликаются и в очерке «Царицын – Сталинград» (5 ноября 1942). Ретроспектива событий Гражданской и Великой Отечественной войн организует ментальную связь двух поколений жителей города: «Прошли два десятилетия мирного строительства. <...> Стали седыми когда-то черноволосые рабочие-добровольцы. А те, кто босоногими мальчишками бегал среди дымившихся котлов красноармейских кухонь, кто подбирал стреляные гильзы и играл в войну там, где шла война, стали взрослыми людьми <...>» [2, с. 217]. Усилия горожан, участвовавших в формировании истории «русской крепости на Волге» [2, с. 219], образуют плотное аксиологическое пространство.

В.С. Гроссман выделяет особенности индивидуального портрета бойца, концентрация на внутреннем мире героя в очерке «Душа красноармейца» (20 сентября 1942) раскрывает этапы подвига преодоления. Включение человека в новую сферу показано на примере Громова – образце «характера бронебойщика» [2, с. 185]. Преображение пахаря в воина происходит по *внутреннему закону*, который и «определил его в стрелки противотанковой роты» [2, с. 185]. «Недюжинный, прямой, сильный и упрямый» [2, с. 186] Громов, преодолевая физическое недомогание, собирает силы для решающего боя, ревностно оберегая свое ружье: «Он дошёл и донёс своё ружьё, он шёл так исступленно, как идут в дом мира и любви, как идут больные путники домой, боясь остановок, охваченные одним лишь желанием увидеть близких» [2, с. 189]. Первый бой Громов принял с честью: «Осилил я. А то ведь день и ночь меня мучило: неужели она меня сильнее...» [2, с. 191]. Победа над собой привела к рождению воина, состоялось *восхождение героя*.

Личная оборонная энергия каждого воина аккумулируется в главном ударе наступательного действия всей армии в очерке с ключевым названием «Сталинградская битва»: «Стремительность движения захватила всех – и бойцов, и водителей, и артиллеристов» [2, с. 192]. Специфика битвы воплощена в личности командира дивизии генерала Родимцева, чья стратегия определила работу всей дивизии, вместо обороны он начинает неожиданное для врага наступление: «всеми полками, всеми средствами <...> всей стремительностью» [2, с. 196].

Интенсивное напряжение усилий военных воплощено в эпизоде проведения оборонительных мероприятий на переправе. Локальность события укрупняет

изображение людей, которые «на этом раскаленном берегу, зарывшись в землю, не изменяют чудесному строю своей простой души» [2, с. 208]. Центром притяжения созидательной и оборонительной энергии избран Власов в одноименном очерке (1 ноября 1942). По мнению писателя, один человек смог воплотить «все особенные черты большого дела, большой работы, <...> его черты характера выражают собой характер целой эпопеи» [2, с. 210]. Сержант Власов, «великий труженик мирных времен, <...> отец шестерых <...> детей, <...> бывший <...> бригадиром в колхозе и хранителем колхозной казны, – и есть выразитель суровой и будничной героичности сталинградской переправы» [2, с. 210]. В его служении видятся черты «неистового Аввакума» [2, с. 210]. Параллель с легендарным подвижником и мучеником образует аксиологическую парадигму для современного воина, его аскетизм, иступленность отмечается в отношении к работе: «И вот сержант Власов строит штурмовой мостик от острова к заводскому берегу. Трое суток, семьдесят пять часов, не спал он, не ел щей, лишь торопливо во время короткой передышки съедал ломоть хлеба, запивал его несколькими глотками волжской воды и вновь брался за топор» [2, с. 211]. Черты наследника Аввакума узнаваемы в самоограничении в пище, в непреклонном желании достичь «одной цели: держать переправу нашего войска. Это дело было свято» [2, с. 211]. Власов дважды спасает баржу: собственным телом закрывает пробоину, затем тушит огонь: «И пламя, сжигающее стальные танки, было потушено здесь, на барже, везущей четыре тысячи тонн боеприпасов» [2, с. 213]. Испытания огнем и водой (*сакральные*) в сочетании с подвижничеством и аскезой дополняют портрет героя, образуя вневременное измерение духовных достижений.

Очерк «Глазами Чехова» (16 ноября 1942, первоначальное название «Сталинградская быль») посвящен снайперскому мастерству юноши, «которого все любили за доброту и преданность матери и сестрам, не пулявшему в детстве из рогатки, ибо он “жалел бить по живому”» [2, с. 225]. В короткий период он становится профессиональным воином, преодолевая свою неспособность к убийству, он неустанно трудится: изучает траекторию полета пули, специфику оптического прицела. Тяжело далось первое убийство врага: «Чехова затрясло» [2, с. 230], но он сумел преодолеть слабость и через минуту вновь «нажал спусковой крючок» [2, с. 230], потом появился третий немец: «Он хотел пройти к лежавшему с ведром, но он не прошел. “Три”, – сказал Чехов и стал спокоен» [2, с. 230].

Овладение военным мастерством – один из ключевых мотивов военной публицистики, к примеру, очерк В.С. Гроссмана с характерным названием «Бывалый боец», опубликованный в газете «Красная звезда» (7 марта 1942), не переизданный с тех пор, иллюстрирует популярную тему. Эпическую основу очерка образует архетипический мотив – уход героя из дома на войну. Боевая обстановка обнаружила его полную неподготовленность к войне: «Он не мог отличить оружейного выстрела от разрыва снаряда, от воя мин кидало его в тоску» [5, с. 3]. Постепенно им овладел «азарт боевой схватки. Он ощутил веселье боя» [5, с. 3]. Состояние парадоксального, на первый взгляд, *веселья боя*, обусловлено, вероятно, осознанием своего места на фронте. «Эх, у нас в батальоне народ хороший» [5, с. 3], раньше он говорил: «У нас дома, у нас в Дубровичах» [5, с. 3]. Чувство единения с однополчанами, обретения себя в новой военной реальности сближает его и с боевым оружием, к нему он начинает относиться, как к орудию крестьянского труда: «Он долго и тщательно чистил свою винтовку, щелкал затвором, прищурившись, заглядывал в канал ствола <...>. Он почувствовал к ней уважение и нежность, какое из поколения в поколение передавалось в его роду к орудиям труда – топору, пиле, плугу» [5, с. 3]. Труд на

земле искони возвращал человеку нравственное здоровье, думаем, что сопряжение труда на земле и на войне свидетельствует о нахождении бойцом необходимой точки духовной опоры на фронте.

В очерках заложены дихотомические идеи: земля-рождение / война-смерть, раскрытая в образах пахарей / воинов, и дороги на войну / пути к миру, то есть возвращения с войны.

Начало освобождения родной земли ассоциируется с *Новым днем* («Новый день», 19 декабря 1942), оппозиция *света / тьмы* знаменует перелом в войне и движение к победе. Погибшие воины завоевали живущим право на торжество жизни: «Да, солдаты завоевали солнце, завоевали дневной свет, завоевали великое право ходить по сталинградской земле во весь рост под голубым небом, завоевали день» [2, с. 254]. Подвиг погибших воинов стал достоянием вечности, память о нем сохранят потомки – строители будущего города, выросшего «среди развалин» [2, с. 254]. Возмездие, настигшее врага, связано с противоположным полюсом, ему предстоит «встретить возмездие здесь, среди холодных развалин, во тьме, <...> прячась от солнца и дневного света под жестокими звёздами русской декабрьской ночи» [2, с. 255]. Символизация победителя и побежденного обретает монументальный характер: «Приходит утро, и солнце всходит в ясном морозном небе над Сталинградом, умерщвлённом немцами» [2, с. 253]. Русский солдат, воскресший из небытия, «ходит спокойно, неторопливо при ярком солнечном свете по сверкающей закованной Волге» [2, с. 254].

Назвав сражение под Сталинградом *эпопеей*, писатель широко показывает все уровни боевых сил Советской Армии, в том числе и работу штаба армии в очерке «Военный совет» (29 декабря 1942). Сходство командующего армией Чуйкова с генералом «далёких времён первой отечественной войны» [2, с. 259] вписывает его фронтовой опыт в летопись русской боевой славы.

Другой монолитной фигурой выведен генерал-полковник Ерёменко в очерке «Сталинградский фронт» (декабрь 1942). Он, уподобленный монументу, «генерал массивной, гранитной обороны» [2, с. 273], воспринимает войну как «продолжение жизни <...>. Законы войны – это законы жизни» [2, с. 273]. Переключившись с идеями Л.Н. Толстого устанавливает аксиологическое единство участников отечественных войн.

В публицистике представлены герои нынешней и давних эпох. Принадлежность армии, коллективу наделяет их служебной исполнительностью, радением за судьбу Отчизны; выполняя общую задачу, подчиняясь приказу, они действуют по Уставу. С другой стороны – каждый из них самостоятельная личность, которая движется к исполнению своего долга, преодолевая тяготы войны, побеждая свою слабость. Думаю, что в толковании героического у многих авторов, в том числе у В.С. Гроссмана, можно усмотреть близость к пониманию С. Булгаковым названной категории: «Нужно что-то сдвинуть, совершить что-то свыше сил, отдать при этом самое дорогое, свою жизнь, – такова заповедь героизма. Стать героем, а вместе и спасителем человечества можно героическим деянием, далеко выходящим за пределы обыденного долга» [1, с. 64–65].

Можно считать, что исходным смыслом всей публицистики военной поры является тема движения, напряженного усилия, призванного одолеть врага. Трудное рождение воина, восстановление в себе человека, тема духовного усилия, роста над собой – смысловая доминанта всей литературы. Пристальный интерес к текстам военных лет расширяет представление о развитии публицистического жанра в контексте творческой эволюции писателя и литературы 1940-х годов.

Список литературы

1. Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. СПб. : Азбука : Авалонь, 2011. 316 с.
2. Гроссман В.С. Годы войны. М. : ОГИЗ, 1945. 504 с.
3. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006. 488 с.
4. Ильин И.А. Духовный смысл войны // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М. : Айрис-пресс, 2005. 576 с.
5. Красная звезда. 1942. 7 марта. С. 3.
6. Клинг Д.О. Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.

V. GROSSMAN ON THE FEAT OF SELF-OVERCOMING (on the material of journalism 1942)

L. I. Schelokova

Moscow City Teacher's Training University
the department of Russian literature

V. Grossman's sketches on the Battle of Stalingrad are considered in the papers, the artistic originality in the problem of a warrior's inner feat is analysed. The article is a comprehensive study of all the sketches in the cycle and is characterized by a successive evolution of the notion "feat of self-overcoming".

Key words: *V. Grossman, XX-th century Russian literature, essays on World War II, Stalingrad sketches.*

Об авторе:

ЩЕЛЮКОВА Лариса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 3), e-mail: lariva2007@yandex.ru.

